

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Рэй
БРЭДБЕРИ

Из праха восстановившие

Москва

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
FROM THE DUST RETURNED

Copyright © 2001 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Михаила Пчелинцева*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Из праха восставшие / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. М. Пчелинцева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-104967-6

«Из праха восставшие» — роман, истоки которого в рассказах «Апрельское колдовство», «Дядюшка Эйнар» и «Странница», на которых выросло не одно поколение советских, а потом и российских читателей. Эта книга писалась полвека, отражая все важнейшие события XX столетия, но отражая так, как это мог сделать один только Брэдбери — через детство.

В семейной хронике Эллиотов, героев «Из праха восставших», переплетаются истории графа Дракулы и египетской мумии, мыши, прошедшей полмира, и призрака «Восточного экспресса», четырех развоплощенных кузенов и Фивейского голоса.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Пчелинцев М., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104967-6

*Двоим родовспомогателям
этой книги:
Дону Конгдону,
который был при начале, в 1946-м,
и Дженнифер Брель,
которая помогла довести дело
до конца в 2000-м.
С благодарностью и любовью*

Пролог
ОНА ЗДЕСЬ, ПРЕКРАСНАЯ

На чердаке, где весенними днями нежно шурушал по крыше дождь, где декабрьскими ночами ты чувствовал близкую — какие-то дюймы — пелену снега, прозябала Тысячу-Раз-Пра-Прабабушка. Она не жила, но и не была навеки мертвой, она... прозябала.

И теперь, в преддверии Великого События, накануне Великой Ночи, теперь, когда близился радужный фейерверк Семейной Встречи, нужно было ее навестить!

Дверца чердачного люка вздрогнула.

— Все в порядке? — донесся снизу голос Тимоти. — Я иду! Да?!

Молчание. Египетская мумия не шелохнулась.

Она стояла в темном закутке, подобно ветхому, почерневшему обрубку дерева или обгорелой, выкинутой за ненадобностью гладильной доске. Тонкие, сморщенные руки накрест уложены на иссохшей груди, сквозь узкие щели

шелковой ниткой зашитых глаз проглядывает бездонная синева, древний пепельно-серый рот, где таится сморщенный лоскуток языка, беззвучно вздыхает, вспоминая каждый час каждой безвозвратно ушедшей ночи, извлекая из бездны четырех тысячелетий те времена, когда она, дочь фараона, одетая в паутинно-тонкое полотно и легкий, как сонное дыхание, шелк, с изумрудами и рубинами, горящими на запястье, сбегала по мраморным террасам сада, чтобы посмотреть на пирамиды, вспарывавшие яростный египетский воздух.

Тимоти уже поднял вековую пылью покрытую дверцу и осторожно окликнул полночный чердачный мир:

— О прекрасная!

Губы древней мумии дрогнули, уронив несколько пылинок.

— Нет, уже не прекрасная.

— Ну, тогда бабушка.

— И не просто бабушка, — прошелестело в недвижимом воздухе.

— Тысячу-Раз-Пра-Прабабушка?

— Это уже лучше. Вино?

— Вино. — Тимоти просунулся сквозь узкий люк и встал. В его руке поблескивал крошечный флакон.

— Какого урожая, дитя?

— До Рождества Христова, бабушка.

— На сколько лет?

— На две тысячи до Рождества Христова, почти на три.

— Прекрасно. — Иссохшая улыбка сбросила легкое облачко пыли. — Подойди.

Осторожно пробираясь сквозь папирусные залежи, Тимоти подошел к более не прекрасной, чей голос сохранил все свое бывшее очарование.

— Дитя? — окликнула иссохшая улыбка. — Ты боишься меня?

— *Всегда*, бабушка.

— Смочи мои губы, дитя.

Тимоти поднял руку и уронил на чуть подрагивавшие губы крошечнейшую из капелек.

— Еще.

На оживавшие губы упала вторая капля.

— Все еще боишься?

— Нет, бабушка.

— Сядь.

Тимоти пристроился на краешке большого ящика, разрисованного иероглифами и воинами, богами псоглавыми и богами с головами как у льва.

— Почему ты здесь? — прошелестел иссохший голос.

— Завтра наступает Великая Ночь, бабушка! Я ждал ее всю жизнь. Завтра Семья, *наша* Семья, слетится сюда со всех концов мира! Расскажи мне, бабушка, как все это началось, как был построен этот дом, откуда мы сюда пришли, а еще...

— Хватит! — прервал его голос. — Я поведаю тебе о тысяче полдней, окунись в глубочайший колодец времени. Молчишь?

— Молчу.

— Так вот, — прошептало через сорокавековую пропасть, — как это было...

Глава I МЕСТО И ГОРОД

Сперва, сказала Тысячу-Раз-Пра-Прабабушка, было только место на бескрайней, густо поросшей травой равнине и холм, на котором не было ничего, кроме все той же травы да дерева, скрюченного, как излом черной молнии, дерева, на котором ничего не росло, пока не вырос город и не появился Дом.

Все мы знаем, как город умеет собирать потребность за потребностью, пока сердце его не забьется и не начнет круговращать людей по предписанным им путям. Но вот как, спросите вы, появляется дом?

А дело в том, что там было это дерево, и лесорубы, устремлявшиеся на Дальний Запад, трогали его и говорили, что, надо думать, оно было здесь еще до того, как Иисус строгал доски в отцовской мастерской, до того, как Понтий Пилат умывал руки. Именно оно, считают некоторые, вызвало Дом из разгулов

непогоды и глубин времени. Когда же этот Дом встал на место, глубоко укоренившись своими подвалами в китайских кладбищах, он явил собою зрелище настолько великолепное, сравнимое разве что с полузабытыми фасадами Лондона, что фургоны, совсем было собиравшиеся переправиться через реку, медлили в растерянности, ехавшие в них семьи разевали рты от изумления и решали, что, раз уж это место достойно папского дворца, обители короля или королевы, вряд ли есть смысл его покидать. Поэтому фургоны останавливались, лошадей отпускали на водопой, и пока люди глядели, оказывалось, что их башмаки, а заодно и души уже успели пустить корни. Дом на холме, стоявший рядом с молнией дерева, ошеломлял любого, кто его видел; переселенцы не решались покинуть этот Дом из опасения, что он будет их преследовать во снах и сделает все другие, ждущие впереди места тусклыми и безрадостными.

Так что Дом появился первым, и его появление дало пищу для множества мифов, легенд и застольных пересудов.

Рассказывают, что однажды над прериями поднялся ветер с дождем; вскоре легкий ветер превратился в грозу, а гроза — в сокрушитель-

ный ураган. За ночь этот многоликий ветер подхватил каждый незакрепленный предмет между поселками Индианы и Огайо, оголил леса северного Иллинойса, взвихрился над этим, еще пустынным холмом, стих и уверенной рукой невидимого божества уложил, доска за доской, рейка за рейкой, гору строительного леса, которая еще до восхода сформировала себя в нечто, смутно привидевшееся Рамзесу и додуманное Наполеоном, когда тот бежал из утонувшего во снах Египта.

Там хватило бы балок, чтобы покрыть собор Святого Петра, и окон, чтобы ослепить летящих на зимовку птиц. На веранде, окружавшей Дом со всех сторон, с лихвой хватило бы места для празднества с участием всех его обитателей со всеми их родственниками. А внутри — улей, муравейник, лабиринт комнат и комнаток, достаточный, чтобы разместить отряд, взвод, батальон не рожденных еще легионов, жадно ждущий их грядущего пришествия.

И Дом этот был завершен задолго до того, как звезды растворились в свете нового дня, и он стоял пустым еще многие годы, не в силах призвать к себе своих будущих насельников. В каждой каморке было по мыши, за каждой

печкой было по сверчку, дымили все печные трубы, каждую постель леденили какие-то, почти человеческие, существа. И еще: бешеные собаки в каждом дворе, живые горгульи на крышах. Все замерло в ожидании, чтобы оглушительный раскат давно ушедшей грозы возвестил: *Начнем!*

И наконец, через многие долгие годы, это случилось.

Глава 2 ПРИХОДИТ АНУБА

Кошка пришла первой — чтобы быть первой.

Она пришла, когда все корзины и чуланы, все подвальные лари и чердачные кладовки все еще бредили октябрьскими крыльями, осенними вздохами и яростными глазами. Когда каждая люстра была вместилищем, а каждый башмак — пустым гнездом, когда все кровати изнывали по невиданной белизне, а все перила предвкушали скольжение легчайших, почти бесплотных существ, когда в каждом покоробленном веками окне кривились отражения призрачных лиц, каждое пустое кресло казалось занятым, каждый ковер мечтал о прикосновении невидимых ног, а насос-качалка на заднем дворе вздыхал, вытягивая гнусные зелья к поверхности, заброшенной в опасении, что прорвутся и выхлестнут наружу кошмары, когда все половицы тихонько поскуливали о погибших